

Некоторые говорят, что слово Отрадок происходит от славянского корня и этим пытаются объяснить причину образования этого слова. Другие считают, что оно происходит от немецкого корня, но испытывает на себе славянское влияние. Неуверенность же обоих толкований даёт возможность заключить, что ни то, ни другое не верно хотя бы потому, что не объясняет его значения.

Конечно же, никто бы не стал заниматься подобными штудиями, если бы на самом деле не было на свете существа по имени Отрадок. На первый взгляд, оно похоже на катушку для ниток в форме звезды, и действительно, выглядит оплетённым нитками; только нитки эти обязательно рваные, старые, перепутанные, переплетённые друг с другом — самых разных видов и цветов. Но это не просто катушка наподобие звезды: из её середины выходит маленькая поперечная палочка, и к ней крепится под прямым углом ещё одна. При помощи этой последней и одного из лучей звезды всё вместе может стоять, как на двух ногах.

Иногда закрадывается мысль, что это сооружение когда-то имело целесообразную форму, а теперь просто поломано. Но это, кажется, не тот случай; по крайней мере, это ничем не подтверждается; нигде не видно ни надломов, ни трещин, которые бы могли дать повод для таких мыслей; всё вместе это смотрится нелепо, но вполне законченно. Более подробно описать Отрадок нельзя, потому что он исключительно подвижен и неуловим.

Он держится то на чердаке, то на лестнице, то в коридорах, то в прихожей. Иногда его не видно месяцами; в это время он, наверное, переселяется в другие дома; но всякий раз он возвращается в наш дом. Иногда, выходя в дверь и находя его прислонившимся в самом низу к перилам, хочется с ним заговорить. Конечно же, никто не задаёт ему сложных вопросов, с ним обращаются — уже из-за его малого роста — как с ребёнком. «И как же тебя звать?» — спрашивают его. «Отрадок,» — говорит он. «А где же ты живёшь?» «Неопределённое место жительства,» — отвечает он и смеётся; однако же, это такой смех, который можно издать, не имея лёгких. Он звучит приблизительно как шелест в опавшей листве. На этом обычно разговор заканчивается. Впрочем, эти ответы тоже не всегда можно получить; иногда он подолгу бывает нем, как дерево, из которого он кажется сделанным.

Напрасно спрашиваю я себя, что с ним станет. Может ли он вообще умереть? Всё, что умирает, имеет ту или иную цель, то или иное назначение, от которого оно в конце концов изнашивается; в случае Отрадока это не так. Что же, ему суждено точно так же, с распустившимися нитками позади, катиться по лестнице под ноги моим детям и детям моих детей? Хотя он никому не чинит зла, представлять себе, что он меня ещё и переживёт, заставляет меня почти испытывать боль.